

Humanitas

Георгий Чистяков

Библейские чтения:
Новый Завет

Humanitas

Георгий Чистяков

Библейские чтения: Новый Завет

«ЦГИ Принт»

2020

УДК 1 (091)
ББК 86

Чистяков Г. П.

Библейские чтения: Новый Завет / Г. П. Чистяков — «ЦГИ
Принт», 2020 — (Humanitas)

ISBN 978-5-98712-918-0

Настоящее издание продолжает серию трудов священника Георгия Чистякова (1953–2007), историка, богослова, общественного деятеля. Первом раздел книги составляет цикл бесед, посвященных Деяниям апостолов и посланиям апостола Павла, второй – пасхальный цикл проповедей, прочитанных в церкви Космы и Дамиана в Шубине и в церкви Покрова Пресвятой Богородицы в Российской детской клинической больнице, третий и четвертый – беседы и статьи разных лет. Некоторые тексты первого и третьего разделов публикуются впервые. Издание адресовано религиоведам-профессионалам, а также всем интересующимся историей культуры.

УДК 1 (091)

ББК 86

ISBN 978-5-98712-918-0

© Чистяков Г. П., 2020

© ЦГИ Принт, 2020

Содержание

От составителя	6
Предисловие	7
Деяния апостолов. Послания	9
Первое послание к Фессалоникийцам	9
Второе послание к Фессалоникийцам	20
Послание к Галатам	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Георгий Чистяков

Библейские чтения: Новый Завет

© Левит С.Я., автор проекта «Humanitas», составитель серии, 2020

© Чистяков П.Г., составление тома, 2020

© Чистяков П.Г., Чистякова Н.А., правообладатели, 2020

© Центр гуманитарных инициатив, 2020

От составителя

Дорогие друзья и коллеги! Настоящий том трудов священника Георгия Чистякова (1953–2007) является переработанной версией шестого тома – «Библейские чтения: Апостол». Первый раздел включает в себя тексты бесед, посвященных Деяниям апостолов и посланиям апостола Павла. Беседы были записаны Тарасом Красовским и расшифрованы Светланой Лукьяновой. Впервые публикуются тексты: «Первое послание к Тимофею», «Церковь и государство», «Послание к Титу» и текст первой беседы, посвященной Деяниям апостолов. В этом же томе опубликован пасхальный цикл проповедей, прочитанных в церкви Космы и Дамиана в Шубине и в церкви Покрова Пресвятой Богородицы в Российской детской клинической больнице, где отец Георгий был настоятелем с 1994 года. Эти тексты были записаны и расшифрованы Ниной Александровной Савостьяновой (1933–2010). Расшифровки аудиозаписей всего цикла проповедей, в том числе пасхальных, были изданы Светланой Евгеньевной Лукьяновой в 2008–2011 годах и вошли в состав шести томов, вышедших в издательстве «Волшебный фонарь» под общим названием «Да укрепит вас Господь!»

Проповеди пасхального цикла подготовлены к изданию Наталией Ивановной Большаковой, главным редактором и издателем альманаха «Христианос», много лет работавшей с текстами отца Александра Меня и отца Георгия Чистякова. Беседы, посвященные посланиям апостола Павла и Деяниям, подготовлены Аллой Глебовной Калмыковой, издававшей вместе с отцом Георгием двухтомный новозаветный цикл – «Над строками Нового Завета» и «Свет во тьме светит». Я очень им благодарен и очень рад, что редактурой отцовских текстов занимались люди, лично знавшие его и помнившие, как звучал его голос во время пастырских бесед и церковных проповедей. Им удалось сохранить для читателей своеобразный стиль отца Георгия. В третий и четвертый разделы тома вошли статьи и беседы разных лет, сохраняющие актуальность и в наше время – о вере и идеологии, о национализме и ксенофобии, о толерантности, а также – о переводах Священного Писания. Тексты «Религия и вера», «Православие и государство» и «Что мы ищем в Церкви» публикуются впервые.

Петр Георгиевич Чистяков,
доцент Учебно-научного центра изучения религий
Российского государственного гуманитарного университета

Москва, октябрь 2019 г.

Предисловие

Большую часть данного тома составляют беседы и проповеди, которые не были написаны автором и сохранились благодаря аудиозаписям прихожан. Это была бы невосполнимая потеря, если бы мы не имели возможности прикоснуться к пастырским беседам и церковным проповедям священника Георгия Чистякова!

В обширном, на редкость разнообразном по жанрам литературном творчестве Г.П.Чистякова его гомилетическое наследие имеет большое значение, требующее серьезного изучения. С начала 1990-х годов оно становится доминантой всех прочих трудов Георгия Петровича, ибо исходит из внутреннего ядра его личности, определяющего всё его бытие. И особенно всепоглощающим становится его служение в сане пресвитера (с 1993 года) – тот подвиг священства, *подвиг добрый*, который стал не только главной темой его жизни, но наложил отпечаток на самый характер его мышления и видения.

На самом деле все материалы, входящие в данный том: и беседы, и проповеди, и статьи, – это единое произведение, message, обращение, адресованное автором и родным, и друзьям (для которых между строк звучит его незабываемый голос и сияет его улыбка), и всем читателям сегодняшнего и завтрашнего дня, каждому и каждой, для личной встречи один на один. Потому что любой из текстов о. Георгия обращен к собеседнику – звучит ли он с церковного амвона или с ученой кафедры – и являет собой живой и взволнованный разговор, призванный пробудить ответные мысли, вопросы, чувства, слова.

Переходя от тома «Библейские чтения: Пятикнижие» к настоящему тому, читатель ощутит, что автор воспринимает Библию в единстве Ветхого и Нового Заветов (что, впрочем, естественно для православного богословия): весть о спасении, свободе, о любви Божией для о. Георгия начинается в *Пятикнижии*. Размышляя вместе с прихожанами над текстами Священного Писания, о. Георгий стремится, чтобы они (мы) задумались и постарались понять, какое назидание для них как верующих заложено в этой главе, в этом отрывке; он помогает научиться читать, слышать и понимать Священное Писание, постоянно побуждает к углубленному чтению, к общению с Писанием, к духовной работе.

Делает о. Георгий это благодаря синтезу нескольких подходов к текстам Деяний и посланий апостола Павла: историко-филологического, культурологического, богословского. Он выступает здесь и как ученый-филолог, и как проповедник-апологет и, опираясь на последние достижения новозаветной науки, библейской критики, древней истории, выявляет принципы построения текстов и предлагает различные методы для их понимания. Таким образом, беседы – это настоящее пособие, помогающее найти ключ к библейским текстам, обратить внимание на темы, важные и для апостольских времен, и для современных христиан.

Например, далеко не всем ясно, что систематическое изложение основ христианства содержится в посланиях апостола Павла. И что всё определяется христоцентричностью нашей веры, когда в центре – живой Христос, а не какие-то теологемы. Даже Библия не может быть средоточием нашей веры, поскольку она есть не более чем икона Христа. И, предостерегая от подмены веры идеологией, сектантством, о. Георгий убедительно показывает, что защита от сектантского мышления – в укорененности в Священном Писании, в единстве Ветхого и Нового Заветов, ибо без Ветхого Завета Новый теряет свой смысл; и не может быть христианства без Закона и пророков; и вера – не просто вера в Иисуса, но – вера в Того, Кого ждал народ Божий в течение тысячи с лишним лет.

Разбирая темы и смыслы посланий, о. Георгий по ходу разбора исправляет искажения, допущенные при переводе, привлекая и другие языки, с помощью которых можно ощутить более глубокий пласт подлинного текста.

Для о. Георгия Церковь – это прежде всего духовная семья, живая община. И потому в его проповедях поражают больше всего не глубокие знания, не мастерство блестящего проповедника, не поэтичность стиля и образность языка, даже не его духовный и эмоциональный «градус» (хотя все эти составляющие, конечно, очень ценны), а та степень искренности и доверительности, что позволяет каждому читающему «расслышать» обращенный и к нему лично голос пастыря, наполненный заботой, болью, любовью, ликованием или восхищением. Отец Георгий произносит свое слово среди близких, среди своих, в семье, как друг, как брат, – в тесноте Сионской горницы, где мы все вместе собрались ради Тайной Вечери.

Потому к нему на исповедь выстраивалась очередь с раннего утра (как только первым поездом метро можно было доехать до храма) и после вечерней службы – до позднего вечера – ведь ему можно было сказать *всё*. Сквозь интонацию проповеди чувствуется, что он, исповедуя или беседуя с человеком, брал на себя его проблемы, страдания, разделял с ним мучительные переживания, наставляя и утешая.

Предостерегая от увлеченности священником, о. Георгий говорил прихожанам, что священник должен быть тихим и незаметным человеком, даже почти лишенным своих личных черт, потому что он поставлен совершать таинства, он не должен заслонять собою Христа.

В конце одной проповеди о. Георгий говорит: «...я не могу сегодня не сказать вам всем огромное спасибо за эти службы, за эту нашу семью... за ту большую поддержку, которую я от вас получаю...» Пастырь милостью Божьей, он думал только о том, как помочь людям встретить Христа, чтобы Он родился в каждом сердце. Ради этого он не щадил себя, им двигала евангельская готовность «положить душу за друзей своих». Его опыт священника, исповедника многих сотен людей и, в том числе, несчастных матерей, видящих страдания своих детей, матерей, похоронивших своих детей, – весь этот необъятный по своему наполнению опыт горя, покаяния и сострадания отражен в проповедях о. Георгия. Не у каждого священника есть такой опыт. Больничное служение было для о. Георгия источником большой духовной силы, но одновременно и жертвоприношением. Возможно, именно это сообщало такую силу и убедительность его призыву не бояться трагичности жизни, потому что с нами Бог! Не бояться испытаний, потому что Христос с нами, Он среди нас, Он здесь, где двое или трое собраны во имя Его.

Христианство, которое исповедует о. Георгий и которое открывается нам в шестом томе его трудов – через беседы, проповеди и статьи, – универсально и неисчерпаемо. Его нельзя превратить в систему запретов, в маленькую норку, куда можно забиться, чтобы скрыться от жизни, спрятаться от вопросов, изолироваться от культуры, потому что это целый мир в его космическом измерении, Вселенная, пронизанная Божественным присутствием.

*Наталья Большакова-Минченко,
председатель Международного благотворительного общества
имени Александра Меня,
главный редактор альманаха «Христианос»
Рига, Латвия
Март 2017 г.*

Деяния апостолов. Послания

Первое послание к Фессалоникийцам

10 октября 1995 года

В прошлом году мы с вами решили, что будем заниматься апостольскими посланиями. Опыт показывает, что, хотя все мы пытаемся читать апостольские послания, хотя все мы слышим апостольские послания во время Литургии, мало кто из нас может сказать о них что-то определенное. То есть, беда наша заключается в том, что основное, главное в них оказывается не схваченным нами. Ясно, что по сравнению с пророческими речениями и другими книгами Ветхого Завета, по сравнению с Евангелием это какой-то совершенно иной жанр, в котором совершенно иным образом, чем в остальных книгах Священного Писания, передается Слово Божие.

Примерно понятно, как передается Слово Божие в пророческих книгах. Пророк – это как бы уста Бога. Пророк говорит от имени Бога, а не от своего имени. И, в общем, не так трудно выделить Слово Божие, звучащее через пророка, из текста пророчества, то есть отделить то временное, что связано с образованностью, интеллектом, литературным мастерством того или иного пророка, от Божьего Глагола, который он передает. Не так трудно, повторяю, внести поправку на эти три момента: на время написания, на интеллект, на литературный дар.

Более или менее просто работать с евангельским текстом, потому что здесь перед нами хотя бы на пятьдесят процентов – прямая речь Спасителя и рассказ о том, что говорит и делает Христос. В общем, евангельский текст можно с легкостью уподобить иконе, на которой изображен Христос в окружении Своих учеников, в окружении тех, кого Он исцеляет, тех, к кому Он обращает Свои слова. И как икону, на которой изображен Христос, не так уж трудно использовать и не так уж сложно понять, что в ней главное, – так и с текстом Евангелия: не так уж сложно понять, что в нем главное. Не так сложно через неточность текста при передаче, через испорченность текста при фиксации всё-таки прорваться к оригинальному тексту, который нам так нужен и через который мы действительно слышим Божий голос.

И совсем другое дело – апостольские послания. Потому что, во-первых, в них слышится голос не пророка, который только служит как бы рупором в руке Бога, не голос Иисуса, который к нам обращается со страниц Евангелия, а голос того или другого апостола. Причем апостол, как всякий человек, далеко не всегда, наверное, прав. Апостол далеко не всегда ясно выражает свои мысли. Кроме того, каждое послание написано в какую-то конкретную общину – это во-первых, и, во-вторых, каждое из посланий написано по какому-то конкретному поводу. И поэтому, когда кончаешь чтение Евангелия и начинаешь читать апостольские послания, то как бы сразу с неба попадаешь на землю. Сразу попадаешь из какого-то совершенно особого, сверкающего мира, где всегда в центре Сам Христос, в мир проблем, дрызг, сложностей, среди которых живет та община, ради которой написано послание. И очень часто мы из послания узнаём какие-то детали, которые нам совершенно неинтересны. Очень часто мы видим, что главное остается где-то за пределами этого послания, потому что апостол говорит, что остальное разъяснит, когда придет. А что он разъяснит, когда придет, это до нас так и не доходит.

Поэтому часто чтение апостольских посланий вызывает у нас разочарование. Мы чего-то ждем от этого текста – и не находим. Мы ждем от этого текста ответов, и этих ответов там нет. И задумываешься даже иногда: а правильно ли делали те Отцы Церкви, те богословы первых веков, которые включили в Библию эти послания? Может быть, их надо было печатать в приложениях к Священному Писанию; может быть, их надо было просто не включать в Писа-

ние? Ведь, в конце концов, не включаются же в Священное Писание сочинения людей, которые тоже жили в I веке или на рубеже II и III веков: святого Климента, святого Поликарпа, Игнатия Антиохийского. Есть множество церковных писателей, которые жили в апостольское время, которые были почти очевидцами проповеди апостолов, но их тексты почему-то в Библию не попали. А вот апостольские послания в Библию попали.

Это вопрос трудный, и, как правило, библеисты его обходят молчанием, стараются на него не отвечать. Почему, скажем, послания апостола Павла, который никогда не видел Иисуса во время Его земной проповеди, составляют неотъемлемую часть Нового Завета, а послания Климента, Папы Римского, или Игнатия Антиохийского, или Поликарпа Смирнского, которые так же, как и апостол Павел, очевидцы апостольского века, не входят в Новый Завет? Их можно найти в изданиях сочинений отцов Церкви древнейшего времени, но не в Новом Завете.

Почему, скажем, Послание к Диогнету не входит в Новый Завет, а Послание к Евреям, которое написано не апостолом Павлом, в Новый Завет входит? Почему Послание к Ефессянам, которое, как достаточно давно доказано библейской наукой, не принадлежит апостолу Павлу, входит в Новый Завет, а послания апостола Климента, или апостольского мужа, как обычно называют Климента, Папу Римского, в Новый Завет не включаются? Хотя, казалось бы, есть все основания для того, чтобы считать его послания частью Библии.

Вот такие вопросы, такие темы неминуемо возникают в сознании каждого читателя Библии, который добирается до апостольских посланий. Наверное, именно потому, что на эти да и на многие другие вопросы библейской наукой пока не дано ответа. Наверное, именно поэтому так трудно читать апостольские послания. Действительно, мы в них надеемся что-то найти и не находим – или находим совсем не то, что хотели. И даже если мы посмотрим на практику гомилетики, то апостольские послания, хотя они читаются во время каждой Литургии, стараются обходить при комментировании, стараются на их тему не говорить проповедей. А когда иной раз пытаешься понять, почему к данному евангельскому тексту присоединено такое апостольское послание, то тоже попадаешь в тупик и не можешь найти этому объяснение.

Когда мы читаем книгу Бытие, книгу Исход, когда мы читаем пророческие писания, когда мы читаем Евангелие, то эти тексты всегда очень легко можно сравнить с иконой. Вы знаете, что я люблю сравнивать тексты Писания с иконой и что современная библейская наука очень часто использует этот метод толкования библейского текста. А когда читаешь послания, то там почти нет таких мест, которые можно сравнить с иконой, но всё-таки они бывают. Как раз сегодня я об одном из таких мест буду говорить, потому что через него мы с вами попытаемся выработать какую-то общую методику для того, чтобы толковать тексты посланий апостола Павла и других апостолов.

Я думаю так, что мы с вами сначала прокомментируем несколько ранних посланий апостола Павла. Потом от ранних посланий мы перейдем к Деяниям апостольским, а после этого уже начнем читать сборник посланий апостола Павла в том виде, в каком он до нас дошел. Потому что ведь до нас в текстах Нового Завета послания апостола Павла дошли в расположении не хронологическом, а скорее – в тематическом. То есть, составители сборника попытались собрать из этих разрозненных писем какой-то трактат, попытались расположить их в таком порядке, чтобы они читались как нечто логически законченное. На первое место вынесли так называемые сотериологические послания – послания, в которых речь идет о спасении и о том, как человек спасается. На этот вопрос отвечают Послание к Римлянам, два Послания к Коринфянам и Послание к Галатам.

Следующий блок составили так называемые христологические послания, среди которых выделяется прежде всего Послание к Колоссянам, где апостол Павел говорит о том, что Христос есть образ Бога невидимого, в Котором вся полнота Божия пребывает телесно, и Послание к Филиппийцам, где во второй главе говорится о человечестве Спасителя и о том, как, будучи образом Божиим, Он полностью принял на Себя всю полноту Человека.

Третью группу составили послания эсхатологические, где говорится о конце, о парусии, то есть о будущем приходе или пребывании Спасителя среди нас.

И последнюю группу составляют авторские послания, обращенные к отдельным лицам: к Тимофею, к Титу, к Филимону, – в которых апостол наставляет своих учеников о смысле их конкретных пастырских задач.

Таково тематическое расположение внутри сборника апостола Павла. Существуют две методики чтения этого сборника. Либо читать вот так – по тематике, и, я считаю, это довольно хорошо, потому что такое чтение получается достаточно глубоким; либо попытаться их выстроить в хронологическом порядке, что, в общем, тоже возможно, и читать, начав с ранних, потом переходя к более поздним. Я думаю, мы совместим оба эти метода и сначала, повторяю, прочитаем несколько самых ранних посланий, после этого Деяния апостольские, потом вернемся к началу сборника – Посланию к Римлянам, где говорится о том, что такое вера, и о том, как верою спасается человек. А после того как сборник апостола Павла будет прочитан, обратимся к посланиям апостола Петра, из которых первое, возможно, подлинное, а второе наверняка не принадлежит апостолу Петру, но, тем не менее, входит в Новый Завет. Потом перейдем к посланиям Иоанна Богослова, а в качестве заключения уже читаем послания Иакова и Иуды и Откровение, или Апокалипсис, – последнюю книгу Нового Завета, ту книгу, в отношении которой у многих отцов Церкви были сомнения: включать ее в Новый Завет или не включать.

Что касается остальных книг – Деяний и всех без исключения посланий, – то они всегда занимали место, которое и теперь занимают во всех рукописях Нового Завета. А вот Апокалипсис многие не включали в число новозаветных книг, во многих древних рукописях он отсутствует. Хотя на Руси, например, обычно Апокалипсис в Новый Завет включался и в рукописных и печатных Новых Заветах присутствовал, но был обычай: отрывать напечатанный в конце Нового Завета Апокалипсис и переплетать Писание без этой последней книги. Кроме того, об осторожном отношении к Откровению со стороны Церкви говорит и то, что если все книги Нового Завета используются в богослужебных целях – нет такой книги, которая бы не читалась во время богослужения, во время Литургии, – то Апокалипсис составляет исключение: ни одного апостольского чтения из этой книги нет в церковном календаре. Ни в один день года, ни в какой праздник Апокалипсис не читается. Значит, это тоже говорит о том, что к Апокалипсису с достаточной осторожностью относились в реальной жизни Церкви. Вот этой действительно сложной – если бы она не была сложной, к ней бы так не относились – книгой Нового Завета мы и закончим анализ апостольских текстов. Таков примерно мой план.

Что такое послание, любое послание апостола Павла? Письмо – очень типичный жанр для античной литературы. Как вы знаете, письма писали и греческие писатели, и римские. Сохранилось три сборника писем Цицерона. Сохранилась огромная переписка Плиния Младшего. Сохранились письма других римских и греческих писателей. В некоторых случаях это письма реальные, как, например, письма Цицерона. В некоторых случаях это письма фиктивные, как, например, письма Плиния Младшего или письма современника апостола Павла – Сенеки, человека, которому с первых веков христианства как бы присваивалось звание одного из адресатов апостола Павла. В Средние века была даже фальсифицирована переписка Сенеки и апостола Павла. Она не подлинная, в ней нет ни слова, подходящего к реальному тексту апостола или к реальному тексту Сенеки, за исключением цитат, соответственно – из апостольских посланий в письмах, которые приписывались апостолу Павлу, и из Сенеки – в письмах, которые приписывались этому римскому философу. Хотя, конечно, сразу ясно, что это фальсификация, но, тем не менее, фальсификация ведь никогда на пустом месте не возникает.

Скажем, ни у кого не возникает пустого желания фальсифицировать переписку Пушкина и преподобного Серафима Саровского, потому что, хотя они и были современниками, ясно, что почему-то они не встретились и не знали друг о друге. Но фальсифицировать, скажем,

переписку Пушкина и митрополита Филарета у некоторых людей желание возникало. И, более того, есть даже варианты пушкинских текстов, не дошедшие в авторских рукописях, где Пушкин говорит: «И внемлет арфе Серафима в священном ужасе поэт»¹. Так вот, в вариантах – не рукописных, а, подчеркиваю, апокрифических – есть строчка: «И внемлет арфе Филарета в священном ужасе поэт», где как бы намекается на то, что не скрыто, а явно Пушкин говорит о митрополите. Значит, эти отношения существовали, и на базе того, что они были, вырастает какая-то апокрифическая традиция.

А об отношениях апостола Павла и Сенеки мы не можем сказать, существовали они или нет. Но тот факт, что эта апокрифическая традиция выросла, всё-таки говорит о том, что они могли существовать; какие-то, пусть незначительные, основания для того, чтобы предположить, что эти два человека могли переписываться, всё-таки есть.

Так вот, Сенека писал фиктивные письма, то есть совершенно ясно, что под формой письма скрывался маленький трактат. Эти письма писались не для того, чтобы посылать их находящемуся в отлучке другу. Цицерон писал реальные письма. А какие письма писал апостол Павел? На этот вопрос не всегда легко ответить, потому что в них есть черты реального письма – и в них есть, без сомнения, черты фиктивного письма. Скажем, Послание к Евреям – безусловно, фиктивное письмо. Это письмо написано как трактат, но не для того, чтобы оно было прочитано конкретным адресатом.

Что касается Послания к Римлянам, Первого послания к Коринфянам и Первого послания к Фессалоникийцам, о котором я буду сегодня говорить, – они настолько четко структурированы от начала до конца, что почти невозможно допустить мысли о том, что они действительно написаны лишь потому, что Павел был в отлучке. Я думаю, что письмо к Фессалоникийцам написано по другой причине: Павел понимал, что если он это скажет устно, то это забудется, а вот если он это напишет, то сохранится. Таким образом, он пишет не затем, чтобы что-то сказать до того, как придет, а только по одной причине: чтобы написанное сохранилось. Значит, это всё-таки фиктивное письмо, то есть письмо здесь – только форма.

Но почему он выбрал форму именно письма? Почему он не пишет трактат? Я думаю, по той же самой причине, по какой среди од Горация нет ни одной оды, которая не была бы обращена к какому-то реальному человеку, скажем, к Помпею Вару или к разным другим современникам Горация. Что общего между Постумом и одой к Постуму? Мы об этом человеке ничего не знаем, и неизвестно, много ли знали о нем его современники. Но ода, обращенная к конкретному человеку, имеющая конкретного адресата, каким-то образом обращена и к каждому из нас.

Вообще, читая чужое письмо, мы всегда испытываем чувство неудобства и неловкости. Я, например, не знаю, нужно ли издавать письма Пушкина, или письма Достоевского, или письма других писателей, или переписку Чехова и Ольги Леонардовны. Я не могу читать эти письма. Я считаю, что непорядочно их издавать. Но их издали. Не все оказываются такими мудрыми, как оказалась Софья Андреевна Толстая-Миллер, которая уничтожила заблаговременно все личные документы из своего с Алексеем Константиновичем Толстым архива.

А оды Горация, хотя они обращены к конкретному человеку, но написаны-то для издания в сборнике! Так же как стихи Пушкина к Чаадаеву: это ода, которая обращена не только к Чаадаеву, но и к каждому читателю. И каждый читатель, который берет в руки это стихотворение, хочет он того или не хочет, оказывается адресатом этого стихотворного послания. И любая ода Горация, оказывается, адресована на самом деле не Постуму, не Помпею, не Лицинию, а каждому из читателей. И хотя каждое апостольское письмо имеет соответствующее надписание: или к Римлянам, или к Коринфянам, или к Ефесянам, к Филиппийцам, к Колоссянам,

¹ Речь идет о стихотворении «В часы забав иль праздной скуки...» (1830). – *Здесь и далее прим. П.Г. Чистякова и А.Г. Калмыковой.*

к Фессалоникийцам, – конкретными адресатами этого послания оказываемся мы с вами. То есть, форма послания избирается апостолом не случайно, а потому, что эта форма подразумевает адресата.

Трактат – рассуждение, он написан как бы вообще. Его можно читать, а можно не читать. Это, скорее, мысли вслух и, может быть, даже мысли, обращенные к самому себе. А письмо, даже фиктивное письмо, всегда имеет конкретного адресата. Но только если у того письма, которое мы обнаруживаем в почтовом ящике, конкретный адресат – тот, чье имя написано на конверте; если у конкретного письма великого человека, пусть даже изданного в собрании сочинений, но конкретного письма, тоже есть конкретный адресат и больше никому не положено всё-таки такое письмо читать, то у фиктивного письма таким адресатом становится каждый его читатель. Иными словами, эта форма сразу превращает апостольское послание в слово, обращенное к тому, кто берет в руки книгу, в которой оно напечатано. Оно имеет совершенно особый характер: каждое апостольское послание – это обращенность к читателю. Потому, наверное, это всё-таки, действительно, оптимальная форма для апостола и никакой другой формой апостол именно по этой причине не пользуется.

Теперь нам осталось понять, как же это слово человеческое – слово апостола, человека, который открыто признавал, что он не уверен в себе, что у него далеко не всегда получается сказать то, что он хочет, слово человека, который в силу своего смирения (не какого-то гипертрофированного или показного, а абсолютно нормального, христианского, здорового смирения) знал, что он грешник, – как своим словом он мог изрекать какие-то безошибочные глаголы? Почему же его текст мы называем Словом Божиим, включаем в Слово Божие? Давайте попытаемся это понять, отталкиваясь от более конкретного материала, а именно – от самого раннего Первого послания к Фессалоникийцам, которое написано в 51 году, – оно достаточно точно датируется.

Попробуем прочитать его с точки зрения того, какое слово там чаще всего повторяется (я считаю, что это очень хороший метод, который богословие берет взаймы у психологии). Мы будем анализировать текст при помощи выявления частотности употребления тех или иных слов. В библеистике есть термин, которым постоянно пользуются почти все: *ключевые слова*. Так вот, наша с вами задача – выявить ключевые слова каждого послания, содержание которых ясно сразу. К числу таких посланий относится, скажем, Послание к Римлянам, которое посвящено вере, и Первое послание к Коринфянам, которое посвящено Евхаристии. А бывают послания, темы которых как-то ускользают от нас. К числу таких посланий относится Второе послание к Коринфянам. Сколько его ни читаешь, о чем оно, понять не можешь. И даже существует такая точка зрения у экзегетов, что у Второго послания к Коринфянам как бы вообще нет темы. А если его начать читать с точки зрения частотности слов, которые там употребляются, то сразу выявляется ключевое слово этого послания, сразу становится ясно, о чем оно написано. Но об этом я скажу, когда доберусь до Второго послания к Коринфянам. Так вот, какое ключевое слово у древнейшего апостольского текста – Первого послания к Фессалоникийцам? Это два глагола – *знать* и *помнить*. В общей сложности они как минимум тринадцать раз употребляются в послании, в маленьком тексте, эти два глагола – *знать* и *помнить*. Причем глагол *знать* почти всегда употребляется в одной и той же формуле $\kappa\alpha\theta\omega\varsigma\ \acute{o}\iota\delta\alpha\tau\epsilon$ – *как вы знаете*. Значит, апостол не говорит в этом послании ничего нового. И он сам подчеркивает, что ничего нового здесь не говорит. Он только напоминает своему адресату о том, что тот знает и без этого послания, как бы проговаривает вслух то, что каждый христианин знает по опыту жизни в Церкви, по опыту своей личной мистической встречи со Христом в Таинстве Евхаристии, в молитве, в жизни. И это очень важно. Я, например, считаю, что это ключевое выражение – $\kappa\alpha\theta\omega\varsigma\ \acute{o}\iota\delta\alpha\tau\epsilon$ – *как вы знаете* – в Первом послании к Фессалоникийцам как бы задает тональность всему сборнику, всем четырнадцати посланиям апостола Павла. Апостол, повторю, не сообщает своему адресату ничего нового, он только напоминает то, что и без него

знают люди, которые живут в Церкви (очень часто приходится слышать от верующих людей такое замечание: я это знаю, но не могу выразить).

Итак, апостол не выдвигает здесь своего учения. Иногда говорят: учение апостола Павла. Нет на самом деле никакого «учения апостола Павла»! Есть учение Фомы Аквинского, есть учения Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста, Афанасия Александрийского – отцов IV века – или их далеких предшественников – Игнатия Антиохийского, Поликарпа из Смирны или того же Климента, Папы Римского. Их сочинения потому и не входят в Новый Завет, что это хотя и построенная на базе церковного знания, но их собственная теория, их собственное учение. А вот у апостола Павла такого учения нет! Он просто напоминает или, как сказали бы мы в XX веке, выводит на уровень слов то, что знает каждый по своему личному мистическому опыту жизни в Церкви.

Вот по этой причине апостольские послания и попадают в Новый Завет: это не какие-то личные размышления апостола, обращенные к другим, как, например, у Цицерона, или у Сенеки, или у Плиния Младшего; это не размышления, обращенные к самому к себе, как, например, у Марка Аврелия в его трактате «Самому себе», или размышления, вообще обращенные к какому-то потенциальному читателю, которого, может быть, не будет у тех писателей, которые пишут трактаты. Нет, это не размышления! Это просто выведение на уровень слов того, что, в общем, знает каждый, у кого есть хоть какой-то мистический опыт жизни в Церкви. Всё, что апостол говорит, – καθὼς οἴδατε, *вы это знаете*, но я вам напоминаю, я ваше знание превращаю в слова, я это знание формулирую, но не больше, потому что это не какая-то моя теория или доктрина, а это наше общее, наше церковное знание. И словами καθὼς οἴδατε апостол Павел почти в каждой группе предложений в Первом послании к Фессалоникийцам напоминает своим читателям то церковное знание, которое дается через сердце, которое дается через опыт молитвы, через опыт богослужения и прежде всего, конечно, через опыт Евхаристии, потому что вершина любой молитвы – это Евхаристия. И в самом начале послания Павел подчеркивает, чтобы его адресат – христиане из Фессалоник – приняли его слово именно как слово не апостольское, но Божие. «Посему и мы, – говорит апостол, – непрестанно благодарим Бога, что, приняв от нас слышанное слово Божие, вы приняли не как слово человеческое, но как слово Божие – каково оно есть по истине, – которое и действует в вас, верующих» (1 Фес 2: 13).

Совершенно замечательно сказано! Они, фессалоникийцы, сразу поняли, что в словах Павла нет ничего нового, что это слово уже действует в них. Оно в них действует, оно в них живет, оно в них трудится. Просто апостол сумел его выразить на папирусе или на пергамене. В этом и заключается вся его заслуга, причем это слово – не учение, хотя вы и можете прочитать в начале 2-й главы этого послания такие слова: «...Прежде пострадав и быв поруганы в Филиппах, как вы знаете, мы дерзнули в Боге нашем проповедать вам благовестие Божие с великим подвигом. – И дальше Павел говорит: – Ибо в учении нашем нет ни заблуждения, ни нечистых побуждений, ни лукавства» (1 Фес 2: 2–3). Так написано в Синодальном переводе: «ибо в учении нашем». Но в греческом тексте такого слова – *учение* – нет. Здесь сказано «ибо в призыве нашем». Павел употребляет слово *παράκλησις*, *призыв*.

Я как-то говорил, что Синодальный перевод появился в начале XIX века, в ту эпоху, когда все в России увлекались философией сначала Шеллинга, а потом Гегеля, и, естественно, в этих условиях всё, что говорилось, воспринималось как учение. Но апостол Павел не учит – он призывает. Учение приводит к тому, что человек начинает что-то делать. А то, что говорит апостол Павел, связано не с тем, что мы приобретаем какие-то новые знания, а только с тем, что мы сами становимся другими. Вот и всё. В призыве нашем, говорит он, нет лукавства. А в чем заключается его призыв, это мы увидим потом, когда продвинемся по тексту послания несколько дальше.

Апостол Павел в тексте Первого послания к Фессалоникийцам говорит о том, что такое христианская жизнь, как должен жить христианин. Это 4-я глава: «... Умоляем же вас, братия, более преуспевать и усердно стараться о том, чтобы жить тихо, делать свое дело и работать своими собственными руками...» (1 Фес 4: 10–11). Вот три момента в жизни христиан, которые здесь выделяет апостол. И в варианте Первого послания (а у апостола Павла часто бывает, что одно послание оказывается вариантом другого) – во Втором послании к Фессалоникийцам он в самом конце говорит: «... Вы сами знаете, как должны вы подражать нам; ибо мы не бесчинствовали у вас, ни у кого не ели хлеба даром, но занимались трудом и работою ночь и день, чтобы не обременить кого из вас, – не потому, чтобы мы не имели власти, но чтобы себя самих дать вам в образец для подражания нам. Ибо когда мы были у вас, то вам это и завещали: если кто не хочет трудиться, тот и не ешь. Но слышим, что некоторые из вас поступают бесчинно, ничего не делают, а суетятся» (2 Фес 3: 7–11). Ничего не делают, а только производят шум – вот, наверное, так надо перевести.

Итак, апостол Павел здесь, в Первом послании к Фессалоникийцам, призывает трудиться, и во Втором послании – своими руками зарабатывать на хлеб! О том же речь идет и в Послании к Ефессянам. Правда, я уже сказал, что Послание к Ефессянам написано не Павлом. Оно написано кем-то из его учеников, но, без сомнения, по его материалам и прежде всего – по Посланию к Колоссянам: «... Лучше трудись, делая своими руками полезное, чтобы было из чего уделять нуждающемуся» (Еф 4: 28).

Совершенно ясно: чтобы у нас было из чего выделять нуждающимся, надо трудиться, потому что, конечно, это ненормальное положение, когда мы уделяем нуждающемуся не из того, что сами зарабатываем, а из того, что нам присылают наши братья из-за границы. Ну, тогда это парадоксальный вариант христианства, который мы зачастую имеем в настоящее время. Дальше о том же речь идет и в Деяниях апостольских. Апостол говорит: «Ни серебра, ни золота, ни одежды я ни от кого не пожелал. Сами знаете, что нуждам моим и нуждам бывших при мне послужили руки мои сии. Во всем показал я вам, что, так трудясь, надобно поддерживать слабых и памятовать слова Господа Иисуса; ибо Он Сам сказал: “блаженнее давать, нежели принимать”» (Деян 20: 33–35). Эта же тема продолжается и в Первом послании к Коринфянам – глава 4-я, стих 12-й: «И трудимся, работая своими руками».

Итак, значит, жить тихо, делать свое дело, трудиться своими руками. Есть хлеб, работая в безмолвии, скажет Павел, поясняя во Втором послании к Фессалоникийцам (3: 12), что это такое – «жить тихо». Есть хлеб как? Работая в безмолвии. И в Первом послании к Тимофею он говорит о том же самом, только немного под другим углом зрения. Это самое начало 2-й главы: «Итак, прежде всего прошу совершать молитвы, прошения, моления, благодарения за всех людей, за царей и за всех начальствующих, дабы проводить нам жизнь тихую и безмятежную во всяком благочестии и чистоте» (1 Тим 2: 1–2).

Почему же мы должны молиться за царей? И за каких царей призывает молиться апостол Павел? В его времена были только одни цари – языческие римские императоры, и он призывает молиться совсем не за тех византийских императоров, которые потом себя назвали внешними епископами Церкви, и не за царя-батюшку, который тоже занимал положение внешнего епископа Церкви. Никакого оправдания этого нигде в Писании нет, чтобы некрещеный неверующий человек занимал место, равное епископскому. Но так было в Византии, так было у нас в царские времена. Однако речь идет о языческих царях. Апостол призывает молиться за царей только по одной причине: чтобы нам жить тихо и безмолвно, чтобы они не мешали тихому и безмолвному житию, чтобы они не устраивали всякие раздоры, скандалы, войны и т. д.

То есть, здесь нет такого, что было в Литургии в царские времена. Чудовищно страшно читать Служебник былых времен, где на Великом входе, когда мы поминаем главу Церкви – Патриарха, епископов и духовенство, поминались сначала государь император, государыня императрица, великие князья, царевичи, царевны и только после этого епископ, священник –

так сказать, второй сорт. Первый сорт – царь с его окружением, уже второй сорт – духовенство, ну и третий сорт – это все остальные: «...вас и всех православных христиан». Такая монархическая структура абсолютно не свойственна Церкви, не характерна для Церкви. Не о том говорит апостол Павел. Он говорит, что надо молиться за царей, чтобы они не устраивали чего-то страшного и чтобы, несмотря (не благодаря, а несмотря) на их правление, можно было проводить тихое и безмолвное житие «во всяком благочестии и чистоте».

В этом смысле такой чистой воды христианской молитвой была молитва «о Богохранимемей стране нашей, властех и воинстве ея» в брежневские времена, в сталинские времена, когда мы от властей не ждали ничего хорошего, но просили Господа, чтобы Он их остановил от чего-то уж совсем дурного. Вот в чем молитва о властях заключается, так что в ней ничего плохого нет. Это не подхалимство и не литургическое прославление власти, а, скорее, совсем наоборот.

Причем, смотрите: если нас займет какая-либо тема в апостольском послании, скажем, в этом, которое мы сейчас толкуем – в Первом послании к Фессалоникийцам, то мы обязательно эту же тему найдем в Деяниях, в Первом послании к Коринфянам, во Втором послании к Коринфянам, в Послании к Ефесянам, еще в каком-нибудь послании, в пастырских посланиях, то есть никогда не бывает так, чтобы какая-либо важная тема была проговорена один раз. Она всегда проговаривается апостолом несколько раз, в чуть разных словах, в нескольких посланиях. Это очень важно. Если мы хотим понять, действительно это важная тема или это что-то мелькнувшее, давайте смотреть, есть ли повторы у этой темы. Если есть повторы, значит, всё ясно: это важная тема. Если об этом сказано один раз, то, возможно, это человеческое слово, которое может сказать каждый и которое произносили и апостолы тоже. Значит, еще один критерий для того, чтобы отделить слово человеческое в апостольском послании от Слова Божьего, заключается в том, что Слово Божие будет проговорено по принципу *καθὼς οἴδατε* – как вы знаете – несколько раз. Если это слово человеческое, оно может один раз промелькнуть, и на этом будет закончено.

Итак, жить тихо, жить в безмолвии, трудиться, работать, дело свое делать – через это обнаруживается наше христианство. И вот я думаю: протестанты – в общем, такие замечательные, такие чистые люди, которые и не пьют, и не курят, и не дерутся, и вообще ведут действительно очень чистую жизнь, – почему нам в их богословии чего-то не хватает? Если протестанты такие хорошие, почему всё-таки мы с вами – не протестанты? Они действительно хорошие, действительно очень мирные, действительно трудолюбивые, действительно они не пьют и не курят, и действительно они живут как-то хорошо. При этом у них нет даже такого рифа, как славянский язык, о который мы разбиваемся очень часто. Они совершают богослужение по-русски, там всё понятно. И, тем не менее, по какой-то причине мы не протестанты. Думаю, потому, что протестанты ведут житие, может, и хорошее, но отнюдь не тихое. Они всё время говорят о Боге. Вы знаете, когда я вижу в метро человека с Библией, который в любой момент готов прижать вас к дверям вагона с той стороны, где они не открываются, и начать вам возвещать Слово Божие, мне хочется закричать: «Я безбожник!» – или: «Я магометанин», «Я индуист», или еще что-нибудь такое. То есть у меня, кто бы это ни был: свидетели Иеговы, баптисты, пятидесятники – совершенно всё равно, но у меня полное неприятие этой перманентной проповеди словами, этого перманентного цитирования из Священного Писания.

Вчера пришла ко мне в Физико-техническом институте одна такая дама: каждое второе слово, которое она произносила, было слово *Бог*. Но ничего, кроме какого-то нелепого напора, в этом не было. А в то же самое время среди нас живут Малые сестры [Иисуса, последовательницы] брата Шарля де Фуко, которые вообще очень часто не произносят ни слова, но проповедь которых значительно действеннее и значительно громче, чем проповедь всех протестантов, вместе взятых, потому что в основе этой проповеди лежит как раз то, о чем говорит апостол Павел: «тихое и безмолвное житие во всяком благочестии и чистоте». Христа они показывают

не в словах своих, а в самой своей жизни, из того тихого безмолвия, в котором они трудятся своими руками.

И вот я думаю: так в чем успех Католической Церкви и неуспех протестантизма (я имею в виду страны Запада или Соединенные Штаты)? Сейчас в Соединенных Штатах происходит так называемая католизация, когда традиционно протестантские области Америки вдруг обращаются в католицизм. Православие с его трудным ритуалом, с его византийскими сложностями для западного человека или для американца, конечно, как-то непонятно, оно слишком этнографически вычурное для людей в Америке и в Европе. Тем не менее, там протестанты целыми общинами – бывает так! – обращаются в православие или в католичество именно по той простой причине, что православные и католики могут показать, что такое «тихое и безмолвное житие во всяком благочестии и чистоте».

А вот у наших братьев, отделенных после Лютера, на первом месте – возвешение Слова Божьего, на первом месте – говорить, говорить и говорить о Боге. И очень страшное для меня, например, испытание, когда где-то оказывается баптист! Не дай Бог, в поезде едешь – и там баптист, потому что он будет всё время говорить. У него Библия разрисована разными цветами, он будет ее всё время листать и говорить: а вот... а вот... а вот...

Это на самом деле убивает Слово Божие – вот такое его постоянное цитирование, когда на него то и дело ссылаются. Бывает так, что человек вообще ни слова из Евангелия не скажет, но всё, что он делает, – это какая-то потрясающая, удивительная, полная света Христова проповедь о Господе нашем. Вот что я вижу во многих монашеских конгрегациях на Западе у католиков и у нас, у православных. Причем это касается и православных России, и в большей даже степени православных Запада, как это ни парадоксально, потому что мы в России научились тоже очень много говорить. Не всегда нужно говорить, надо учиться молчать, потому что христианство – это прежде всего молчание с Богом, а уже потом – слово о Боге. И кроме того, для того чтобы говорить, нужен какой-то запас, из которого говорить. Для этого недостаточно держать в руках Слово Божие, недостаточно держать в руках Библию. Для этого надо прожить со Словом Божиим, усвоенным сердцем, десять, может быть – двадцать, может быть, даже тридцать лет.

Итак, вот первая из тем сегодняшнего послания: прежде всего мы говорим только о ключе ко всем посланиям – *καθὼς οἴδατε, как вы знаете*. Апостол не учит ничему новому, апостол напоминает нам то, что мы знаем из опыта жизни в Церкви.

Вторая тема, за которую это послание и получило название эсхатологического, – тема того конца, к которому приближается человечество. Этот текст о конце известен всем достаточно хорошо, потому что всегда читается во время отпевания, во время похорон: «Не хочу же вас, братия, оставить в неведении об умерших, дабы вы не скорбели, как прочие, не имеющие упования. Ибо если мы веруем, что Иисус умер и воскрес, то и умерших во Иисусе Бог приведет с Ним. Ибо сие вам глаголем словом Господним, что мы, живущие, оставшиеся до пришествия Господа, не предупредим умерших; потому что Сам Господь при возвешении, при гласе Архангела и трубе Божией, сойдет с неба, и мертвые во Христе воскреснут первые, потом же и мы, оставшиеся, вместе с ними восхъщены будем на облаках в сретение Господне на воздухе, и так всегда с Господом будем, – завершает апостол и добавляет: – Итак, утешайте друг друга этими словами» (1 Фес 4: 13–18).

Здесь Павел говорит что-то такое, чего вообще не знали люди в эпоху Ветхого Завета: о том уповании, которое связано с победой над смертью. Смерть побеждена, и встретим Господа не только мы, живущие, но и они, умершие. Причем они встретят Господа первые. Они сначала, а затем мы вместе с ними.

Текст, который я вам только что прочитал, – как икона. Мы все знаем его почти на память, потому что часто слышим. Мы, слыша его в тяжелые минуты нашей жизни, всегда ждем, что он сейчас будет прочитан. И поэтому, конечно, страшно, когда псаломщик долдонит текст Пер-

вого послания к Фессалоникийцам таким образом, что мы его не воспринимаем во время похорон. Его надо читать так ясно, чтобы так же, как на иконе, видно было, как Спаситель выводит из ада усопших и освобождает от веревок смерти тех, кто там заключен; чтобы и мы этот текст, каждое его слово, так же ясно восприняли сердцем.

Я думаю, многие знают, что на этот именно текст написан средневековый гимн *Dies irae, dies illa* – латинский гимн о Страшном Суде, где прямо и говорится: *Tuba mirum spargens sonum / Per sepulchra regionum*. Вот эта *tuba* – труба распространяет удивительный звук над «гробами»; *Mors stupebit et natura, / Cum resurget creatura* – смерть отступит и природа, когда восстанет творение, *Judicanti responsura* – чтобы отвечать Тому, Кто будет судить. Значит, всё живое воскресает перед лицом Христа, входящего в мир.

Когда читаешь этот текст в средневековом гимне, то чувствуешь его мрачный колорит: *Dies irae* – гимн, окрашенный в мрачные тона. А когда читаешь это место в Первом послании к Фессалоникийцам, то понимаешь, что там нет никакого мрачного колорита, что, наоборот, в этом тексте всё сияет и искрится. И понимаешь, что мы спешим вслед за Ним, что мы скоро сделаем тот шаг, который сделали они, наши усопшие, те, которые уже восхъщены «в сретение Господне на воздухе». И мы тоже вместе с ними «так всегда с Господом будем», тоже соединимся с Богом. То есть эта весть – удивительная, радостная и полная, о том соединении всего человечества с Богом, которое ожидает нас впереди. Весть полная, повторяю, с самыми светлыми и самыми радостными тонами – может быть, самое замечательное место во всём богослужении похорон, делающее похороны христианина хотя и не менее трудными, чем любые другие похороны, но где-то в глубине абсолютно радостными. Не случайно же одежды священнослужителей на похоронах не черные, а белые. Белое сияние этого текста в церковной традиции передается через белизну священнических одежд. Но здесь мы его видим, когда просто читаем это послание.

Поэтому, если можно говорить о домашнем задании, то домашнее задание вам будет – прочитать, а может, даже и на память выучить с 13-го по 18-й стихи в 4-й главе Первого послания к Фессалоникийцам. Это один из действительно утешительных текстов Нового Завета, причем текст этот явно обращен не к каким-то там фессалоникийцам, которые жили девятнадцать веков назад и даже больше, а к нам с вами. Это я очень прошу запомнить и усвоить.

День этот придет, с одной стороны, неожиданно, как об этом сказано дальше: «О временах же и сроках нет нужды писать к вам, братия...», – но и неотвратимо: «ибо сами вы достоверно знаете, что день Господень... придет...» (1 Фес 5: 1–2). Неожиданно и неотвратимо в одно и то же время! День этот придет, об этом говорится и в начале Деяний апостольских, когда по воскресении Христовом стоят апостолы и смотрят на небо: «Этот Иисус, Которого вы видели возносящимся на небо, придет так же...» (ср. Деян 1: 10–11) – говорят ангелы как бы в ответ на вопрос апостолов о временах и сроках. Так и нам Павел рисует икону пришествия. Причем здесь очень важно сказать, что он употребляет слово *παρουσία* – *пришествие*.

Мы так часто говорим: второе пришествие, парусия, но *παρουσία*, если проанализировать, как, когда и где именно употребляется это слово, – это по-гречески не только *пришествие*, но это – *пребывание*. Значит, Павел говорит нам о том, что Христос не только придет, но и пребывает, и о том, что это пребывание уже началось, что это второе пришествие уже вовлекает нас в какую-то новую жизнь. Он говорит, что мертвые во Христе воскреснут первые. Мы с вами знаем, что это воскресение уже началось. Именно поэтому мы почитаем святых угодников: они, святые, тем и отличаются от нас с вами, что они уже сделали шаг в воскресение, шаг к бессмертию, шаг к будущему Царству, которое нам с вами уже даровано. И потому в свете этого текста особенно значим опыт святых, опыт тех угодников, которых мы не только почитаем за их житие, но к которым мы обращаемся в молитвах. Мне кажется, ощущение того, что Царство Божие, Царство будущее уже даровано, объединяет очень многих христиан: оно

объединяет нас, православных, с христианами Востока – с эфиопами, с коптами, с армянами, – оно объединяет нас с католиками и с Англиканской Церковью.

И теперь последнее. В конце послания содержится несколько призывов, с которыми к нам обращается апостол Павел. Он говорит: «Всегда радуйтесь. Непрестанно молитесь. За всё благодарите: ибо такова о вас воля Божия во Христе Иисусе. Духа не угашайте.

Пророчества не унижайте. Всё испытывайте, хорошего держитесь» (1 Фес 5: 16–21). Такого рода призывы: всегда радуйтесь, непрестанно молитесь, духа не угашайте, – будут еще раз повторены почти в тех же словах, только несколько подробнее, в 12-й главе Послания к Римлянам. Они будут повторены и в других местах, только не так подробно.

В 12-й главе Послания к Римлянам они присутствуют как бы в полном варианте. Павел говорит: «... Будьте братолюбивы друг к другу с нежностью; в почительности друг друга предупреждайте; в усердии не ослабевайте; духом пламенейте; Господу служите; утешайтесь надеждою; в скорби будьте терпеливы, в молитве постоянны... Радуйтесь с радующимися и плачьте с плачущими. Будьте единомысленны между собою; не высокоумствуйте, но последуйте смиренным; не мечтайте о себе...» (Рим 12: 10–16). Дальше здесь, в 12-й главе Послания к Римлянам, апостол говорит: «Никому не воздавайте злом за зло, но пекитесь о добром перед всеми человеками» (Рим 12: 17). И об этом же он говорит в конце Первого послания к Фессалоникийцам: «Удерживайтесь от всякого рода зла» (1 Фес 5: 22), а до этого прямо говорит о том, что злом за зло воздавать нельзя. Значит, эта тема тоже дважды присутствует в посланиях: один раз – в Послании к Римлянам, другой раз – в Первом послании к Фессалоникийцам: «Смотрите, чтобы кто кому не воздавал злом за зло, но всегда ищите добра друг к другу и всем». То есть здесь Павел пытается прокомментировать, что означают слова Спасителя о том, что если кто ударит тебя по правой щеке, подставь ему левую. Это мы должны тоже запомнить.

Итак, на этом призыве и кончается Первое послание к Фессалоникийцам. Всё оно написано на одном дыхании, с порывом, оно действительно представляет собой *παράκλησις* – *призыв*, в начале которого лежит блок мыслей о том, что все мы должны трудиться и жить в тишине. И затем – икона, на которой изображено второе пришествие Господа и всеобщее воскресение. А в конце – несколько призывов: «Всегда радуйтесь», «Молитесь непрестанно», «Не угашайте духа» и «Не воздавайте злом за зло». Всё. Вот мы с вами и дочитали это послание до конца.

Второе послание к Фессалоникийцам примерно того же времени и написано на ту же тему, но, я бы так сказал: спокойнее и торжественнее. С него мы начнем в следующий раз. И, может быть, от него перейдем к другим текстам апостола, где описано схождение Спасителя во ад и вывод грешников из ада. В Писании об этом ничего не говорится. Но есть так называемый Апостольский Символ веры, апостольское Credo, в котором говорится: мы веруем в то, что Спаситель сошел во ад. Есть, наконец, икона Сошествия во ад в нашей византийской традиции. Есть Канон ко Господу, в шестой песни которого говорится о Сошествии во ад: «Снизшел еси в преисподняя земли и сокрушил еси верей вечныя, содержащая связанная, Христе, и тридневен, яко от кита Иона, воскресл еси от гроба». Есть песнопения, посвященные нисхождению во ад, и у христиан Запада, и у христиан Востока. В Писании об этом нет ничего, но Предания Церквей сохранили это в памяти христиан. И вот здесь, вероятно, мы должны идти именно таким путем: если чего-то нет в Писании, но есть в нашей церковной жизни, надо смотреть, есть ли это у других христиан. Если есть, значит, это действительно Предание Святой Соборной и Апостольской Церкви. Если это есть только у нас, то, может быть, это только наш обычай, может быть, даже не христианская, а национальная традиция.

Итак, повторю: что касается Сошествия во ад, то о нем ничего не говорится в Писании, о нем есть только два слова в Апостольском Символе. Но зато практически все Древние Церкви сохранили в своих Преданиях или на своих иконах рассказ о том, как сходит Спаситель во ад и освобождает тех, кто опутан веревками смерти.

Второе послание к Фессалоникийцам 24 октября 1995 года

В прошлый раз мы говорили о Первом послании к Фессалоникийцам. Второе послание к Фессалоникийцам – сразу обращаем на это внимание – очень похоже на первое. Можно найти как минимум десять мест во Втором послании, которые довольно точно повторяют текст Первого послания. Итак, можно говорить, что оно является как бы вторым вариантом того послания, о котором мы беседовали в прошлый раз. Но одно сразу бросается в глаза: у Второго послания к Фессалоникийцам совершенно другой тон. Если тон Первого послания и темп его были достаточно быстрыми и всё это написано с пафосом от начала до конца, то Второе послание торжественно, неторопливо и лишено того порыва, который так обращает на себя внимание в Первом послании к Фессалоникийцам. Это размышление о том же самом, но уже без того первоначального воодушевления, с которым было написано Первое послание. Более того, текст Второго послания, при внешней схожести с Первым, посвящен какой-то совсем другой проблеме. Он не представляет собой пересказ Первого послания, а развивает его. И давайте сейчас попытаемся понять, в чем заключается это развитие темы, которое и составляет, наверное, суть Второго послания к Фессалоникийцам.

День Господень – это тема и Первого, и Второго посланий. День Господень, конец истории – тот день, когда Христос придет, тот день, когда закончится та история, в которой мы живем, и начнется другая. Это тот день, о котором мы читали в апостольском тексте, предназначенном для погребения: «Не хочу же оставить вас, братия, в неведении об усопших, чтобы вы не скорбели, как прочие, не имеющие упования» (1 Фес 4: 13). Вы его очень хорошо помните, об этом мы в прошлый раз говорили. Так вот, это, действительно, основная тема. День Господень близок, он приближается с каждым часом. Но это не повод для того, чтобы бросать все свои дела и заниматься одним только нелепым ожиданием. Он приближается, День Господень, но если эсхатологические ожидания превращаются в какую-то навязчивую идею, то это страшно.

Вот тема, которой не было в Первом послании совсем, это что-то принципиально новое. Апостол Павел говорит о том, что есть среди христиан некоторые, которые живут (там сказано – *ходят*, но, конечно, в значении *живут*) без порядка, без покоя и ничего не делают, а суетятся, μηδέν ἐργαζομένους, ἀλλὰ περιεργαζομένους. Трудно передать это средствами русского языка, но, наверное, можно так: не делая, действуют – или: не действуя, как бы делают. То есть, что становится ясно из дальнейшего, не работая, рассуждают о приближении Дня Господня, как бы погружены в ожидание его приближения, а на самом деле ничего не делают. По-русски, в общем, некрасиво, но удачно по смыслу переведено: ничего не делают, а только суетятся. Я бы сказал: создают видимость дела. Но надо посмотреть другие переводы. Я не смотрел, как другие переводчики пытаются это место передать. Ясно одно: апостол Павел через игру слов здесь говорит о том, что есть такие люди, которые, ожидая День Господень, изображают бурную деятельность, ничего не делая. И вот к ним он относится очень резко. По их поводу он высказывает абсолютно четкое суждение и напоминает, что задача христианина заключается в том, чтобы работать своими руками, в том, чтобы в тишине трудиться. И убеждает, и увещевает он этих людей, чтобы они, работая в безмолвии, ели свой хлеб.

Непонятно, кто были эти люди во времена апостола Павла, о них мы больше ничего не знаем. Но мы знаем другое: в течение всей двухтысячелетней истории Церкви эта ситуация будет повторяться постоянно. Как только будет наступать какой-либо критический календарный срок, так тотчас будут начинаться разговоры о конце света. Когда приближалось к концу первое тысячелетие от Рождества Христова, вся Европа и Византия бурно ожидали конца света, и находились люди, которые всё бросали и убеждали других бросать всё, продавать свое

имущество, собираться на горах, для того чтобы спастись в тот момент, когда Господь придет: тогда все остальные погибнут, а вот мы спасемся!

Когда наступала следующая такая переходная дата, когда кончалась седьмая тысяча, то есть наступал 7000 год от сотворения мира по византийскому календарю (условное летоисчисление, которое в Церкви даже сейчас иногда используется), тогда тоже началось бурное ожидание конца света. И как раз с этой эпохой связано движение по всей Европе, когда в Чехии, скажем, люди бросали дома, бросали города, сжигали свое имущество и собирались на горах для того, чтобы там ждать конца света.

В учебниках истории движение, связанное с именем Яна Жижки, представляется как борьба трудящегося народа за свои права в Средние века. На самом деле, конечно, никакой борьбы трудящегося народа там не было. Это были чистой воды эсхатологические ожидания. Люди уничтожали имущество, они там голодали, на горе, где поселились. Им было очень плохо, но они благодаря своим вождям были уверены, что конец света вот-вот наступит, потому что кончается седьмая тысяча, наступает «последняя» календарная дата. Не прошло и века, как ситуация еще раз повторилась, когда в нашем обиходе, в циркулирующих церковных книгах заканчивалась таблица празднования Пасхи. Казалось, что еще пять лет – и всё, кончается Пасхалия. Таблица была составлена, по-моему, до 1425 года. И когда эта дата начала приближаться, люди стали напряженно думать о том, что конец света приближается. Несмотря на то, что московский митрополит (правда, довольно неудачный был в те времена митрополит, который потом сложил с себя это служение) составил Пасхалию на двадцать лет дальше, для того чтобы как-то успокоить людей, но это, конечно, не помогало. Не утихали разговоры о том, что конец приближается, и не только разговоры, но и напряженное чувство Дня Господня владело всеми умами.

Сейчас мы с вами видим то же самое. Приближается конец второго тысячелетия, и по Москве продаются всякие отвратительные книжки о том, что конец света приближается, что антихрист разгуливает уже по Москве и что людям надо сейчас думать не о чем бы то ни было, а о конце. Мне представляется это движение очень страшным, потому что даже в те времена, когда населения на земле было меньше и когда проблемы перед человеком стояли не так остро, эти псевдоэсхатологические ожидания ввергали людей и целые страны в великие беды. А сейчас, когда планета перенаселена и когда действительно ситуация во всех странах трудная в силу и перенаселения, и технического прогресса, и совершенно дикой милитаризации общества, как у нас, например, любые такого рода псевдомистические, псевдоэсхатологические ожидания просто очень опасны. Поэтому, конечно, страшно, что не только необразованные миряне, но и некоторые священники принимают участие в подобных разговорах и издании подобной литературы. Тем более что из истории мы знаем: всё это бывает в переломные календарные моменты, то есть здесь не действует ничего, кроме календаря. Но это мы знаем из истории. А из Священного Писания мы знаем другое: что День Господень придет «как тать в нощи» (1 Фес 5: 2); День Господень придет так, что заранее ни по каким признакам мы этого не определим; что ни дня, ни часа этого не знает никто, ни даже ангелы на небесах. И потому к этому дню надо не готовиться, а *быть готовым*. Вот в чем заключается принципиальная разница: не готовиться к этому дню надо, а *быть готовым*.

Если мы начнем разбирать конкретные признаки приближения этого дня и присутствия антихриста в нашей жизни, то придем к выводу, что всё-таки наше время не такое уж плохое по сравнению с теми эпохами, которые пережило человечество. Мне, например, представляется абсолютно безнравственным, бесстыдным и заслуживающим самой жесткой критики поведение тех священников, которые говорят о том, что наступило ужасное время, что в последние десять лет страна ввергнута в пропасть и прочее.

Те семьдесят лет, когда духовенство убивали тысячами, те семьдесят лет, когда страна была отдана на откуп КПСС, когда Церковь была действительно преследуемой, когда храмы

закрывались, разрушались, взрывались, когда в храмах устраивались помойки, коровники и прочее; когда страна действительно страдала от голода, когда люди умирали, и мы об этом не знали; когда те люди, которые на войне лишились рук и ног, попали в концлагерь на Валааме и там впоследствии умирали, и о них родственники даже не знали, что они еще долго были живы... (Мне рассказывали душераздирающие истории о том, как люди, будучи на экскурсии на Валааме, шли по дорожке и разговаривали, а с другой стороны живой изгороди в инвалидной колясочке сидел их сын, или муж, или отец, и слышал голос своих родных, и не мог никак отреагировать. Эти люди считались умершими, а они были живы!) Когда люди умирали в специальных больницах и детских домах, где убивали детей, которые с тяжелыми недугами родились, и об этом никто не знал; когда тяжелым инвалидам было запрещено появляться на улицах; когда продукты были только в Москве, в Питере и еще в некоторых городах; когда, если люди хотели что-то на себя надеть или что-то съесть, они должны были ехать в Москву и привозить эти продукты или эту одежду из Москвы, – все, я думаю, помнят, как везли всё из Москвы. Когда Церковь топтали, как только могли, и когда вообще всё, что можно, было запрещено; когда нам было запрещено читать книги, если считали, что вредно это читать: литература начала XX века была запрещена, вся русская философия была запрещена, начиная от Владимира Соловьёва и кончая нашими современниками...

Да, сегодня жизнь довольно трудная. Да, сегодня, понятно, многого не хватает. Но с тем концлагерем, в котором мы жили при советской власти, эта жизнь, конечно, несравнима. Сегодня мы можем критиковать правительство, относиться к нему отрицательно. Сегодня мы можем говорить, что они делают ошибки. Но тогда даже и критиковать было бессмысленно.

Когда наконец пришел более-менее нормальный человек – Михаил Сергеевич Горбачёв, то закричали: трагедия, беда, национальная катастрофа! Друзья мои, это страшно, что многие из нас так мыслят. То есть когда мы наконец выбрались из этой ямы и начали хоть как-то человечески развиваться, да, трудно, безусловно, трудно, но начали развиваться, – тогда начались вопли: Россия погружается во мглу, с Россией катастрофа, со страной беда! Да какая беда?! Мы с вами в брежневские времена действительно жили более-менее спокойно. Но те люди, которым сейчас 80–85 лет, говорят: сейчас плохая жизнь?! Сейчас пенсии маленькие?! Да что вы! При Ленине – голод, при Сталине – голод, карточная система – одна, другая, третья. Коллективизация – эта чудовищная история, когда истреблялись миллионы людей. Война, во время которой погибло как минимум пятьдесят миллионов (всё время нам заниженные цифры давали). И это всё было нормально?! Потом послевоенная сталинская империя, где то же самое – изничтожались люди, были переполнены концлагеря. Это что, нормально? Фашизм в Германии был хотя бы десять лет, но у нас такой режим был семьдесят пять лет. И это нормально, с точки зрения многих людей! А теперь говорят, что Россия во мглу погружается, трагедия, национальная катастрофа. Более того, мы сегодня критикуем правительство и справа, и слева, как угодно. Вот, пожалуйста, тот же Зюганов, который критикует сегодня правительство и по телевидению, и в газетах – и за границу ездит. Да при его обожаемых коммунистах открыл бы он рот только, сказал бы одну фразу – и тотчас оказался бы в концлагере!

Прежде всего, сегодня есть такое огромное достижение, как свобода слова, когда мы можем говорить то, что думаем. Сегодня открыты все храмы, и мы можем их восстанавливать, и можем в них трудиться, и можем делать, что хотим. Да, сегодня не хватает денег в домах престарелых, в больницах, в интернатах – везде не хватает денег. Но у нас есть возможность собирать эти деньги, жертвовать, находить способы приобретать одежду, и продукты питания, и медикаменты, и всё, что необходимо – и для детей, и для стариков. Но ведь при советской власти любые формы благотворительности были запрещены. И при всём желании никто из-за границы не мог пожертвовать ни копейки на то, чтобы помочь какому-нибудь детскому дому или дому престарелых. Это было строжайшим образом запрещено.

Мне рассказывали, как лет двадцать тому назад, когда группа Народных артистов, академиков и разных высокопоставленных людей обратилась «наверх», в ЦК КПСС, с просьбой разрешить им помогать конкретному детскому дому для умственно отсталых детей-инвалидов, разразился страшный скандал. Их начали по одному вызывать в Министерство культуры и делать промывание мозгов, говоря, что у нас с этими домами всё в порядке и что помогать они ни в коем случае не должны. А если они хотят кому-то помочь, то надо перечислять деньги в Фонд мира. Но мы знаем, что такое Фонд мира, на который содержался диктатор Менгисту Хайле Мариам в Эфиопии, на которые велись войны по всему миру.

Теперь у нас трудное, плохое государство с огромными проблемами, но, во всяком случае, это не тот ад на земле, который был при коммунистах. И потому, конечно, очень страшно, когда сегодня пытаются говорить о том, что приближается конец света и именно поэтому Россия находится в таком чудовищном состоянии, в каком она никогда не была. На самом деле это, конечно, не так. Когда это говорят малообразованные люди или бывшие коммунисты, это понятно. Но когда об этом говорит духовенство, священники, которые в те времена служили, которых тогда чудовищно преследовали, это мне совершенно непонятно. И здесь я могу найти только одно объяснение: это такая державная бацилла, что в те времена был ад и кошмар, но Россия была *великой державой*. И чувство, что мы перестали быть великой державой, до такой степени настраивает людей против сегодняшней власти, что они начинают говорить вещи, не соответствующие действительности.

Но мне представляется так. Швеция не является великой державой, хотя она была таковой при короле Карле XII. Но от этого шведам не плохо. И я думаю, что важно не то, чтобы она была великой державой, а то, чтобы людям в этой стране нормально жилось, чтобы в стране была свобода, чтобы в стране были одежда и продукты, чтобы были открыты храмы и школы, чтобы были нормальные больницы и т. д. Поэтому мне представляется, конечно, что все эти разговоры о том, как плохо сегодня, связаны именно с тем, что многие, причем даже резко антисоветски настроенные люди (как, например, известный математик Игорь Шафаревич, как Солженицын, как Говорухин), не могут пережить одного: Россия перестала быть великой державой. И от этого – такая нетерпимость по отношению к сегодняшней жизни, к сегодняшней власти, к сегодняшнему правопорядку.

Но мы-то с вами должны всё-таки понимать, что если бы сейчас правил какой-нибудь очередной Генеральный секретарь, то, конечно, мы бы не занимались здесь, в Космодемьянском храме. И не было бы никаких других храмов, и не издавались бы те книги, которые сейчас все читают, а издавались бы Бубеннов, Бабаевский, Проханов. Нам бы давали читать ту литературу про передовиков производства, которую сами передовики производства никогда не читали, потому что говорили, что это всё, во-первых, ложь, на заводе всё не так, как здесь написано, во-вторых, это неинтересно, и, в-третьих, от того, что делается на заводе, мы за день так устаем, что нам вечером надо подумать о чем-то другом. Я помню, был спектакль «Сталевары» в Художественном театре, и привели туда рабочих для того, чтобы они аплодировали этому искусству. И эти рабочие, которым было нечего бояться, устроили скандал и сказали: мы в течение дня мучаемся на производстве, а нас еще заставляют вечером про это смотреть.

К сожалению, мы мало знаем о выступлениях рабочих против советской власти. Так вот, мне говорил один такой работяга, который всех детей крестил и в церковь ходил: вам, интеллигентам, этого делать нельзя, вас выгнать могут, отставить от работы, а меня – что, коммунисты от горячего цеха отставят?! Вот так и говорил: меня никто не отставит! Человек стоит там, в горячем цеху, по восемь часов, приходит домой и сваливается замертво, потому что в нечеловеческих условиях они работали. В стране очень часто оборудование было дореволюционное. И на ткацких фабриках, на которых я бывал, и на другом производстве очень часто было дореволюционное оборудование. Конечно, в каторжных условиях трудились люди, а потом приходили домой, и там ничего не было, особенно в провинции. Сейчас – да, в провинции очень

низкие зарплаты, очень худо живется, но есть продукты, что-то есть. Кроме того, сейчас людям разрешили возделывать приусадебные участки. А ведь при советской власти и это было запрещено.

Вот поэтому очень страшно, что в книжках типа «Антихрист в Москве» и в передачах многих радиостанций, якобы православных, постоянно говорится о том, какие плохие настали времена. Времена трудные, но много лучше, чем были. И это касается мистических ожиданий, которые связаны с «последними временами», это как раз то, о чем говорит апостол Павел во Втором послании к Коринфянам. Это те мистические ожидания, которые Европа пережила как минимум три раза за две тысячи лет. Эти псевдомистические ожидания конца света и в X, и в XIV, и в XV веке унесли жизни тысяч людей, исковеркали тысячи судеб. Если люди сжигали всё, что у них имелось: и дом, и скотный двор, и убивали скот, и бежали спасаться на гору, то это неизбежно кончалось трагедией. И Церковь всегда выступала против этих псевдомистических ожиданий и против ложной эсхатологии, против такого, романтического на самом деле, ожидания конца света, за которым не стояло подлинное чувство присутствия Божьего среди нас. Потому что, когда есть подлинное чувство присутствия Божьего среди нас, тогда мы понимаем: Господь ждет от нас труда, тихого и спокойного труда вне зависимости от того, в каких условиях мы живем. И если мы посмотрим биографии настоящих христиан, то увидим, что все они были трудяги, что все они, по завету апостола Павла, вкалывали от зари до зари все две тысячи лет истории Церкви. Вот это мне кажется очень важным, это делает Второе послание Павла к Фессалоникийцам по-настоящему актуальным и сегодня. В этом смысле оно не устарело и устареть не может.

С другой стороны, апостол подчеркивает, что он приближается, этот День Господень, ибо еще немного, очень немного – и грядущий день придет и не замедлит. Так восклицал еще пророк Аввакум (см. 2: 3), слова эти повторены в Послании к Евреям (см. 10: 25), об этом же говорит апостол Иаков в своем Послании (см. 5: 8–9). Об этом же, наконец, говорит нам Господь в Откровении: «Се, стою у двери и стучу» (Откр 3: 20). Так что понятно, что День Господень – он где-то рядом.

Но прежде всего надо понять, что это такое – *День Господень*, потому что, когда мы ожидаем Дня Господня так, как его ожидали во времена Яна Жижки, так, как некоторые его ожидают сегодня – как некую календарную дату, мы забываем об одном: что Бог – вне времени, и действует Он вне времени, и мы сегодня – из времени – не можем понять, что это такое – День Господень. А быть может, День Господень для каждого наступает в свое время. Мы этого с вами просто не знаем. Есть вещи, которые просто невозможно знать, – не потому, что это запрещено, а потому, что это просто невозможно.

Есть еще одна тема во Втором послании к Фессалоникийцам, на которую необходимо обратить внимание, для того чтобы понять, почему послания включены в Новый Завет, почему эти апостольские тексты мы называем Словом Божиим. Апостол призывает фессалоникийцев держаться Предания, в котором они наставлены, того Предания, которое он передавал и устно, и в своих посланиях. Здесь он снова подчеркивает, только уже другим способом, чем в Первом послании к Фессалоникийцам, что не сообщает ничего нового, а только напоминает то Предание, которым живет Церковь. Иначе говоря, это послание есть как бы только передача в словах того, что без слов знает каждый христианин из своей жизни в Церкви, из своего участия в Таинстве Евхаристии и живой жизни общины.

Таким образом, здесь еще раз сказано, что в посланиях только фиксируется то, что и без него известно Церкви апостольских времен через Предание, через то, что апостолами получено от Самого Христа, и это то, чем живет Церковь. И наконец, наставляя своих братьев и сестер в Фессалониках, апостол Павел говорит: «... Не унывайте, делая добро» (2 Фес 3: 13).

В старом немецком переводе Библии это выражение звучало как «Спешите делать добро»! И доктор Федор Петрович Гааз, который читал Писание по-немецки, именно эти слова

из Второго послания к Фессалоникийцам сделал своим девизом, и эти же слова написаны на его могиле. Этот замечательный человек, как мне представляется, несомненно – московский святой, прожил совершенно невероятную для нас жизнь. Уехав из Германии и поселившись в Москве, он так и остался до последнего дня своей жизни католиком. Он не перешел в православие и продолжал оставаться прихожанином своей Католической Церкви, своего католического прихода до самого последнего дня своей жизни. Но он собирал деньги для издания Евангелия по-славянски, потому что тогда еще не было русского Евангелия. Он собирал деньги для издания молитвословов. Он был известен как секретарь Московского тюремного комитета, как главный врач московских тюрем, как основатель больницы для бездомных, разнорабочих, нищих, убогих, которых он кормил, лечил, одевал, судьбы которых устраивал. В качестве крупного чиновника он вступал в постоянные конфликты с московским начальством, включая митрополита Филарета, которому он постоянно возражал, когда тот пытался как-то в логичное русло направить его филантропию и подчеркивал, что, будучи филантропом, не надо забывать, что живешь в реальном мире. Так вот, доктор Федор Петрович Гааз действительно стал самым настоящим народным святым. И когда он умер, митрополит Филарет, его оппонент, благословил служить панихиды по нему во всех православных храмах города Москвы. Когда гроб с его телом выносили из костела, все православные храмы колокольным звоном провожали на Немецкое кладбище этого великого праведника.

Так получилось, что в России XIX века о нуждах простого человека и о реальном христианстве заговорил сначала католик Федор Петрович Гааз, а потом – лютеранка по рождению, великая княгиня Елизавета Федоровна. Я думаю, это, конечно, замечательно, что Господь дал нашей несчастной стране таких людей. Но это, наверное, и знак для нас – знак того, что мы не должны считать врагами тех, кто каким-то другим образом обращается ко Христу и в других формах исповедует свою веру в Отца и Сына и Святого Духа. Одна из них, Елизавета Федоровна, была признана святой сначала народом, а потом и Собором нашей поместной Церкви; другой – Федор Петрович Гааз – еще в те времена, в XIX веке, народом был признан святым².

Я убежден, что настанет день, когда мы получим бумагу с благословением служить молебн святому праведному Федору, потому что другого такого человека в русской истории не было. И в наши дни, наверное, не случайно мы о нем вспоминаем всё чаще и чаще, потому что путь Федора Петровича Гааза – это путь христианина сегодня: осуществлять действенное, реальное христианство. При этом он был и великий молитвенник. Это был человек, который прожил, не будучи пострижен в монахи, подлинно монашескую жизнь, который был не только христианином дела, но и христианином молитвы, который просто своей жизнью переделывал сотни и тысячи, и тысячи тысяч, наверное, жизней. Отношение к нему в XIX веке было абсолютно безупречное со всех сторон и позиций. Но когда произошла революция, о нем было запрещено говорить. Хотя, казалось бы, человек всю жизнь провел среди угнетенных, среди несчастных, всю жизнь обличал власти – и не голословно, а действительно делал фантастически много. Тем не менее, его имя было табуировано, как мало чье другое. Для меня это тоже несомненный признак святости.

Когда читаешь отчеты про Екатерининскую больницу, которую доктор Гааз создал и которой руководил, про эту больницу для бездомных, то понимаешь, что сегодня в Москве такой больницы нет, что сегодня вроде бы нас много, христиан, а того, что в XIX веке сумел сделать один человек, мы еще не сделали. Сегодня мы иногда одежду и еду им даем, но до того, чтобы построить больницу для бездомных, мы еще в нашем личном христианстве не доросли. Поэтому, когда я читаю Второе послание к Фессалоникийцам и дохожу до этого места, я всегда вспоминаю об этой замечательной, удивительной фигуре в нашей истории, в истории Церкви

² В 2011 году Римско-Католическая церковь начала процесс канонизации Федора Петровича Гааза. В 2018 году он признан блаженным, процесс канонизации вступил в новую фазу.

нашей несчастной страны, об одном из самых, наверное, современных для нас святых, одном из самых современных угодников Божьих.

Я вам показал, что Второе послание к Фессалоникийцам является как бы развитием Первого послания к Фессалоникийцам. Точно так же Послание к Римлянам является развитием Послания к Галатам. Точно так же Послание к Ефессянам повторяет и развивает Послание к Колоссянам. Это одна из черт наследия апостола Павла, что основные темы он повторяет, как правило, в следующем послании, а заявляет о них в предыдущем. Причем первое послание всегда бывает какое-то пламенное, с порывом, с энтузиазмом написанное. Второе всегда бывает более систематическое, более взвешенное, более торжественное.

Итак, парными являются Первое и Второе послания к Фессалоникийцам, Послание к Галатам – и Послание к Римлянам; наконец, третья пара – Послание к Колоссянам и Послание к Ефессянам. Но до нас, безусловно, дошли не все послания апостола Павла, и поэтому мы можем предполагать, скажем, что было Третье послание к Коринфянам; мы можем предполагать, что и другие послания также являются либо развитием не дошедших до нас посланий, либо, наоборот, – первыми вариантами посланий, тоже до нас не дошедших. Вот эта черта наследия апостола очень важна, и на нее я прошу обратить ваше внимание.

Кто такие фессалоникийцы? Жители города Фессалоник, или Солуни, той самой Солуни, в которой потом жили Кирилл и Мефодий. И сейчас есть город Фессалоники на севере Греции, где и сейчас живут фессалоникийцы. Каждое послание написано по какому-то конкретному поводу. Апостол Павел не пытался из этих посланий сделать систематический трактат, в котором он излагал бы свое учение. Эти послания уже позже расставлены в том порядке, в котором они печатаются теперь, причем в порядке очень логичном, потому что сегодня, если читать сначала к Римлянам, потом Первое к Коринфянам, потом к Галатам и т. д., можно их рассматривать как своего рода богословский трактат. А если выделить основные темы, если к каждому написать введение, то представляется, что это систематическое изложение основ христианства.

На самом деле это не так. В таком порядке они были расставлены во II веке. Апостол Павел иногда, правда, советует отдать послание в какую-то другую общину, чтобы и там его прочитали. Конечно, эти послания были чем-то вроде открытых писем, то есть они могли быть передаваемы в другие, соседние общины и там тоже читаться. Но, подчеркиваю, задачу систематически изложить учение Церкви Павел не ставил. Он высказывался в этих посланиях по какому-либо конкретному поводу и прежде всего напоминал то Предание, по которому живет Церковь. Поэтому каждое послание апостола есть Предание апостольское, Предание Церкви апостольских времен, а не личное учение апостола.

Безусловно, можно говорить и о личном учении апостола, но это мы с вами сделаем, когда уже пройдем по всем посланиям апостола Павла, проследим присутствие Предания в них, когда мы уже перейдем к тому, что такое его личное богословие.

Итак, у нас остались две проблемы, которые апостол Павел разрешает в Послании к Галатам – о нем мы будем говорить в следующий раз. Первая проблема связана с ритуалом: целовать Евангелие и Крест после общей исповеди или нет. И вторая проблема связана со свободой. Это как раз та тема, которой посвящено Послание к Галатам.

Послание к Галатам 31 октября 1995 года

Вот, дорогие мои, если вы помните, мы в начале прошлого года начинали именно здесь, в северном приделе храма. Я с особенным чувством вспоминаю ту Дмитриевскую родительскую субботу, когда мы вообще здесь впервые служили, в северном приделе, после того как типография его нам освободила. Поэтому северный придел – для нас какое-то особо значимое место в нашем храме. Несколько теснее здесь будет, но, с другой стороны, здесь лучше слышен голос.

Мы сегодня будем говорить о Послании апостола Павла к Галатам – послании, которое обычно называют посланием христианской свободы. Почему – я попытаюсь показать, но сначала хочу вам напомнить, что именно здесь, в Послании к Галатам, апостол Павел говорит о том, что мы все, кто во Христа крестились, во Христа облачились, во Христа оделись. Вот отсюда как раз взяты те слова, которые мы поем во время Таинства Крещения, когда обходим трижды вокруг купели со свечами: «Елицы во Христа крестистесь, во Христа облекостесь» (Гал 3: 27). Наверное, важно помнить, что это Послание к Галатам. Вообще, почти в каждом послании апостола Павла есть слова, которые знают все, но далеко не всегда мы помним, что это слова из Писания. Это наша беда, что в нашем сознании богослужение существует само по себе, и далеко не всегда мы, повторяю, узнаём слова Священного Писания даже в богослужебных текстах, хотя, подчеркиваю, это чрезвычайно важно. Очень опасно отрывать богослужение от Писания, потому что на самом деле, конечно, всё в богослужении взято из Слова Божьего.

Здесь же, в Послании к Галатам, апостол восклицает: «Нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе» (Гал 3: 28). Он говорит о том, что Слово Божие пророчески предвозвестило Аврааму о будущем оправдании язычников верою: «В тебе благословятся все народы». Апостол цитирует здесь стих, который в книге Бытия звучит пять раз и который можно считать ключевым стихом книги Бытия: «От Авраама точно произойдет народ великий и сильный, и благословятся в нем все народы земли» (Быт 18: 18).

Когда мы читаем это место по-русски, то, в общем, оно производит на нас какое-то впечатление, но далеко не всё, что в нем содержится инклюзивно, мы слышим. Так, слово *предвозвестило* звучит по-гречески как *προεφηγγελισατο*, то есть Слово Божие заранее возвестило евангельскую весть – вот так, наверное, было бы правильнее сказать. Заранее возвестило Благою вестью о том, что «от Авраама точно произойдет народ великий и сильный, и благословятся в нем все народы земли». Из этого можно сделать вывод, что Евангелие, если оно возвещается не всем народам, – это уже не Евангелие. Оно теряет всякий смысл, если становится из всемирной Благой вести вестью локальной. Это тоже момент чрезвычайно важный. Но слова о том, что нет уже ни иудея, ни язычника, ни раба, ни свободного, будут повторены у апостола неоднократно. В Послании к Римлянам (написанном позже Послания к Галатам. – *Ред.*) он к этой теме возвращается еще раз: «Здесь нет различия между Иудеем и Еллином, потому что один Господь у всех, богатый для всех, призывающих Его» (Рим 10: 12).

До этого выше, в 3-й главе того же Послания к Римлянам, Павел восклицает: «Ибо мы признаем, что человек оправдывается верою... Неужели Бог есть Бог Иудеев только, а не и язычников? Конечно, и язычников» (Рим 3: 28–29). Об этом же речь идет и в Послании к Колоссянам: «...Нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но всё и во всём Христос» (Кол 3: 11). Наконец, о том же самом мы читаем в Первом послании к Коринфянам: «Ибо все мы одним Духом крестились в одно тело, Иудеи или Еллины, рабы или свободные, и все напоены одним Духом» (1 Кор 12: 13).

Значит, смотрите: если о чем-то важном говорит апостол Павел, то об этом будет сказано в корпусе его посланий не один раз, а два, три, четыре, может быть, даже пять раз. Таким образом, когда хочется нам понять: то, о чем говорит апостол, – это первостепенное по значимости или, наоборот, второстепенное, – надо смотреть, повторяет он свою мысль или она встречается в корпусе его посланий только один раз. Весть о том, что во Христе нет ни иудея, ни язычника, ни эллина, ни скифа, ни кого другого, но всё и во всё Христос, – это одна из самых важных, наверное, вестей в корпусе посланий, потому что как минимум пять раз, практически в одних и тех же выражениях, повторено то, что хочет сказать апостол.

Если мы приглядимся к древним цивилизациям, к цивилизациям той эпохи, когда проповедуют апостолы, мы увидим, что для каждой из них характерна идея исключительности. Скажем, греки были просто одержимы идеей своей национальной исключительности. Для греков все негреки были варварами, все негреки были людьми второго сорта. Значит, в этом смысле можно сказать, что, в общем-то, греки – это прародители России. Для римлян же такого представления, что только римляне по крови, только потомки Ромула и первых царей имеют какое-то особое право на жизнь, – для них такой точки зрения вообще не существовало. Римляне абсолютно одинаково относились и к грекам, и к египтянам, и к сирийцам – к самым немислимим народам. У них вообще такого понятия, как этнос, не существовало. Но в их сознании жило другое понятие – понятие о римском гражданстве, и они очень жестко разделяли всех людей на граждан Римской империи и неграждан. И если у кого гражданства не было, то это тоже был человек второго сорта. Иудеи – те разделяли всех на иудеев и неиудеев, на обрезанных, которые были людьми первого сорта, и необрезанных, которые были какими-то недочеловеками, с их точки зрения.

Итак, в древности, в ту эпоху, когда проповедовал апостол Павел, фактически каждая цивилизация каким-то образом себя противопоставляла остальным культурам, остальным обществам и цивилизациям тогдашнего мира. И вот Церковь впервые устами апостола Павла и его современников заговорила о том, что таких противопоставлений не должно существовать, что на самом деле все люди призваны к одному, что все люди в эсхатологической перспективе составляют Церковь, потому что все – от Адама: не кто-то исключительный ведет это общее человеческое происхождение, а все люди без исключения. В этом смысле, конечно, древняя Церковь была ближе к Богу, чем стала потом, когда в Средние века она достаточно жестко стала отделять нехристиан от христиан, когда появились такие термины, как *басурмане*, *нехристи* и пр., когда в разных формах появились религиозные войны и конфликты, религиозное непонимание и т. д. Ничего подобного нет в апостольских посланиях! Апостольская весть в этом смысле абсолютно бескомпромиссна: всё и во всё – Христос! Никакой разницы между греком и негреком, римским гражданином и негражданином, иудеем и неиудеем нет.

Так получается, что большинство основных тезисов, которые выдвигает Церковь устами апостолов, звучит чрезвычайно актуально и сегодня. Но этот тезис, может быть, один из самых актуальных, поэтому на него я обращаю особое внимание. Я уже сказал вначале, что Послание к Галатам называется обычно посланием христианской свободы. И действительно, если мы просто попытаемся подсчитать частотность употребления разных слов в этом тексте, то увидим, что слово *свобода* здесь лидирует, что его смело можно назвать ключевым словом всего послания. И в этом смысле Послание к Галатам, если хотите, вообще лидирует [среди других текстов Павла] и представляет собой толкование на 8-ю главу Евангелия от Иоанна.

Воспитанный в хорошей фарисейской традиции, получивший, как он сам говорит, у ног Гамалиила традиционное образование, апостол Павел прекрасно владел теми жанрами, в которых излагали свое богословие его современники, ученые раввины. И такой жанр, как *мидрбш*, толкование к библейскому тексту, – это, если мы приглядимся к текстам апостола Павла, один из его любимых жанров. Так, в 8-й главе Евангелия от Иоанна Спаситель говорит: «И познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Ин 8: 32). И далее: «Иисус отвечал им: аминь,

аминь говорю вам: всякий, делающий грех, есть раб греха. Но раб не пребывает в доме вечно; сын пребывает вечно. Итак, если Сын освободит вас, то истинно свободны будете» (Ин 8: 34–36). Так вот, всё Послание к Галатам, от начала до конца, можно, наверное, воспринять как толкование этих слов из Евангелия от Иоанна.

Павел начинает с того, что подчеркивает: он избран не человеками, вернее, не через человека, но Самим Богом, и Евангелие, которое он возвещает, – оно не *καθ' ἄνθρωπον*, не от человека, а оно Божие, от Бога исходит, и он, Павел, не научился ему от людей, а принял его от Бога. Закону учат, и сам он нам подробно рассказывает в Деяниях апостольских о том, как учился Закону. Апостол говорит: «Я Иудеянин, родившийся в Тарсе Киликийском, воспитанный в сем городе при ногах Гамалиила, тщательно наставленный в отеческом законе, ревнитель по Боге, как и все вы ныне» (Деян 22: 3). Итак, смотрите: он подчеркивает, что был тщательно наставлен в Законе, что Закону учатся. К этому он возвращается и в Послании к Галатам. А Евангелию научиться нельзя, оно открывается Богом! Вот одна из особенностей христианства: христианству нельзя научиться, а Закону научиться можно, и в течение всей истории ветхозаветной Церкви ее члены только и делали, что учились Закону.

Но, ставя нас перед этой проблемой: Закона, которому можно научиться, и Евангелия, которому научиться нельзя, – апостол предупреждает нас, что есть опасность превратить Евангелие в Закон, во что-то такое, чему можно научиться. И, надо сказать, мы очень часто так и делаем. Я попытаюсь сегодня еще к этому вопросу вернуться.

Закон – откуда он? Он дан по причине преступления, потому что, если бы не было преступлений, не было бы и заповедей. Если бы люди не крали, Богу не пришлось бы сказать: *не кради*. Закон тормозит того, кто его преступает, останавливает потенциального преступника своим «не укради». Но у Закона есть еще одна функция: Закон, как говорит апостол, – *παιδαγωγός* ко Христу. *Παιδαγωγός*, *педагог* – это не педагог в современном смысле слова, конечно. Это тот раб, который приводит ребенка в школу. В Синодальном переводе это выражение переведено словом *детоводитель*. Вот он приводит ребенка в школу и затем свободен до того момента, пока его не понадобится вести назад. И апостол показывает, что задача Закона также заключается в том, чтобы подвести будущего христианина ко Христу. Подвести затем, чтобы он смог услышать проповедь, потому что человек, живущий вне Закона, человек, для которого Десяти заповедей не существует, просто не услышит проповеди Христовой. Он будет слышать слова, но не будет воспринимать, что стоит за ними, будет слышать слова, но не смысл.

«Всякий, делающий грех, есть раб греха» (Ин 8: 34), но под Законом все равны, потому что закон написан для грешников; время Закона ставит раба в такие условия, когда он, оставаясь рабом, всё-таки имеет возможность перестать грешить. Но время рабства – это время детства. И наследник, пока он ребенок, ничем не отличается от раба, потому что ему не положено ничем распоряжаться в доме. Но вот время детства проходит, в сущности, оно уже прошло – это время подзаконного детства, теперь наступает время свободы. Однако путь на свободу – трудный путь. Сорок лет, как известно, вел по пустыне людей из рабства к свободе Моисей. Именно такое трудное время и провозглашает теперь наступившим апостол Павел в Послании к Галатам. Вот что он говорит: «...Когда пришла полнота времени, Бог послал Сына Своего [Единородного], Который родился от жены, подчинился закону, чтобы искупить подзаконных, дабы нам получить усыновление. А как вы – сыны, то Бог послал в сердца ваши Духа Сына Своего, вопиющего: “Авва, Отче!”» (Гал 4: 4–6).

«Авва, Отче!» – это слова из Гефсиманской молитвы Спасителя, это все вы помните, конечно, по Евангелию от Марка (Мк 14: 36). Этими словами обращается к Богу каждый, как утверждает апостол Павел; внутри нашего сердца каждый из нас вопиет: «Авва, Отче!» Значит, гефсиманское борение продолжается внутри нашего сердца. И только через эту внутреннюю борьбу, которая происходит в сердце каждого из нас, туда входит Христос и дарует нам ту свободу, о которой проповедует здесь Павел. Принять свободу без этого борения невозможно.

Но Павел предостерегает: «Итак, стойте в свободе, которую даровал нам Христос, и не подвергайтесь опять игу рабства» (Гал 5: 1). И дальше: «К свободе призваны вы, братия, только бы свобода ваша не была поводом к угождению плоти; но любовью служите друг другу» (Гал 5: 13). Жизнь как заповедь – вот в этот момент, когда совершается в сердце человека гефсиманское борение, – жизнь по заповеди, не по обязанности, превращается в потребность. Вот тут-то человек и становится христианином, когда оказывается, что жизнь по заповеди для него уже не обязанность, не требование Закона, которому приходится подчиняться, но внутренняя потребность, не реализуя которую, жить не получается.

Значит, вот что такое это борение внутри нас и к чему оно приводит. Пока оно не свершилось, Закон действует как что-то внешнее, Закон нас принуждает не делать чего-то или делать что-то; но когда это борение свершается, то оказывается, что перед нами открываются новые горизонты. Это уже не обязанность наша, а внутренняя потребность. И, я думаю, многие знают из своего опыта, что то, к чему призывает нас Господь через Десять заповедей Моисеевых, для нас всё-таки тоже не обязанность, а что-то изнутри идущее, для нас абсолютно необходимое.

«Не будьте рабами плоти», – говорит апостол. Плоть, σάρξ по-гречески, – это просто мясо, которое знает один закон: то хорошо, что мне удобно! – и больше никакого закона для мяса нет. Мясо, которое абсолютно эгоистично и даже, если хотите, черство в своем эгоизме, потому что это такой же эгоизм, как эгоизм животного. Животное же мы не можем осуждать за его эгоизм! И человек – он точно так же эгоистичен. А Христос приходит и освобождает нас от этой эгоистичности. Но освобождает Он нас от нее только в одном случае: когда мы понимаем, что жить надо не для себя только. Павел говорит: «Носите бремена друг друга, и таким образом исполните закон Христов» (Гал 6: 2). Когда мы это понимаем, тогда начинается наше освобождение, потому что христианство, в отличие от любой восточной мистики, не есть религия самосовершенствования, не есть религия восхождения к некоему идеалу вне тех, кто нас окружает.

Это очень опасное понимание пути к Богу, которое часто можно встретить в аскетических текстах восточного происхождения. Ведь для всех мистических учений Востока: для Индии, для Месопотамии, для Египта, – характерна идея самосовершенствования. Поэтому очень часто в христианских текстах египетского происхождения, которые во множестве попали в такой, скажем, сборник аскетических текстов, как «Добротолюбие», человек, который живет в Боге, изображен как бы в вакууме, и его задача заключается только в том, чтобы избавить себя от тех или иных грехов, пороков и т. д. То есть, он поднимается по лестнице к Богу как будто в вакууме, оставаясь с Богом один на один. Такое понимание христианства пришло к авторам этих текстов из тех культур, в которых они выросли или были воспитаны. Это чисто восточное понимание религиозности, чисто восточное понимание пути к Богу, где идея самосовершенствования является доминирующей; с нашей верой такая идея ничего общего не имеет.

Итак, подчеркиваю, христианство не есть религия самосовершенствования. Это религия ношения того, что апостол называет бременами друг друга. Христос входит Духом Святым в сердце. В сердце каждого из нас продолжается это гефсиманское борение. И в результате, если кто-то достиг в этом каких-то успехов, он может воскликнуть, как апостол Павел: «... Уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал 2: 20). К этой теме он возвращается дальше, в 6-й главе, в предпоследнем стихе послания, когда восклицает: «... Я ношу язвы Господа Иисуса на теле моем» (Гал 6: 17). Значит, апостол говорит не только о том, что уже не сам он живет, а живет в нем Христос, но и о том, что язвы Господа он носит на теле. Одно без другого немислимо. Невозможно сказать, что Христос живет в ком-то, если человек не носит этих язв на своем теле. Наверное, не обязательно эти язвы должны быть такими, какими они изображаются на монашеской одежде у нас на Востоке, и не обязательно они должны быть такими зримыми, какими они были на руках и ногах святого Франциска. Но суть от этого не меняется: только

тогда ты христианин, когда ты носишь эти язвы, то есть когда ты повторяешь то служение, которое есть служение Христово, когда ты носишь бремена других. Вот что это такое.

Но, вероятно, для человека Средневековья было необходимо это увидеть зримыми, физическими очами, и поэтому на руках святого Франциска появились стигматы. У нас теперь другие времена, и стигматы на руках и ногах современных стигматиков вызывают только недоумение людей вне зависимости от их религиозной принадлежности, являются объектом любопытства, но не религиозного созерцания, и это все знают. Современные стигматы другие, они, как правило, незримы. Мы видим, как носит их человек на своем теле, лишь когда жизнь его, по словам Лескова, действительно превратилась в житие.

Христос вошел в жизнь Павла, и Павел об этом открыто говорит. Можно подумать даже, что он хвалится. Но Христос должен войти в сердце каждого человека так же глубоко, как Он вошел в сердце Павла. Он должен войти в сердце каждого. Поэтому Павел и восклицает: «Дети мои, для которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос!» (Гал 4: 19).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.